

Глава 18. Он мне язвить до смерти будет

— Вы тут болтайте, а я побежал. Если начнется заваруха, надо быть под рукой, — Су Цзинь вихрем вылетел из лавки.

Лян Цинь, точно сдувшийся воздушный шар, тяжело осел на стул у входа.

— Ну почему... почему мы такие нищие?

Су Мо не ответил. Он лишь поднял голову, глядя на закатное солнце, чьи последние лучи еще золотили горизонт. «И правда, — подумал он, — почему его семья тоже так бедна?»

Вокруг воцарилась тишина, но она была недолгой — вскоре послышался рокот мотора, и к магазину подкатил Хань Дун.

— Чего застыли? На что любимся? — Хань Дун заглушил мотоцикл и спрыгнул на землю.

Лян Цинь сорвался с места и, точно подхваченный порывом ветра, умчался в сторону Заводского жилого комплекса. Хань Дун лишь усмехнулся:

— Псих какой-то.

«Он пошел забирать Тянь Сяюю».

Су Мо обладал даром предвидения. Плохое он чувствовал через мимолетное прикосновение к руке, а чтобы увидеть хорошее, ему приходилось концентрироваться намеренно. Злого рока над Лян Цинем он не почуял, зато в видениях промелькнуло, как тот берет сироту под свое крыло.

— Усыновить? — Хань Дун скептически вскинул бровь. — Да у него самого-то силенок хватит?

«Думаю, он все как следует обдумал».

— Значит, детдом отменяется? Ладно, закрывай лавку, поедем глянцем.

Хань Дун дождался, пока Су Мо повернет ключ в замке, и залихватски свистнул. Су Мо нехотя забрался на сиденье мотоцикла. Хань Дун, не чувствуя привычного робкого касания, обернулся:

— Держись крепче.

Су Мо поймал в зеркале заднего вида его глубокий, пристальный взгляд и нехотя обхватил Хань Дуна за талию. Тот едва заметно и торжествующе усмехнулся. Мотоцикл рванул с места так резко, что Су Мо от неожиданности вцепился в водителя мертвой хваткой. Услышав довольный смех Хань Дуна, он изо всех сил ущипнул его за бок.

— Ой-ой, полегче! Я не нарочно!

«Так я тебе и поверил!» — сердито подумал Су Мо и сжал пальцы еще сильнее. Хань Дун в ответ начал специально вилять рулем, отчего мотоцикл опасно закрепило.

— Эй, не дергайся, а то чебурахнемся!

Су Мо замер, разрываясь между страхом упасть и желанием придушить этого негодяя. Напоследок он все же наградил Хань Дуна еще одним чувствительным щипком, от которого тот болезненно сморщился.

— Ну и вредный же ты...

Когда они докатили до Заводского жилого комплекса, сцена была в самом разгаре. Маленький Тянь Сяоюй с заплаканным лицом бросился в объятия Лян Циня. Тот подхватил его на руки, и на его лице застыло странное, трудночитаемое выражение.

— Ну что там? Лян-цзы решил обзавестись обузой? — спросил Хань Дун у Су Цзиня.

— Ага. Сердце не выдержало, — вздохнул тот, качая головой. — Увидел, как пацана шпыняют, и поплыл. Не представляю, как он теперь бабке это объяснять будет.

— Раз решился, значит, готов к последствиям, — отрезал Хань Дун.

Тянь Сяоюй шмыгнул носом, глядя, как хозяйка квартиры выкидывает их нехитрые пожитки прямо на землю.

— Брат Лян Цинь, заberi меня отсюда. Ты ведь говорил, что будешь меня любить...

— И не побоишься жить с таким нищевродом, как я? — горько усмехнулся Лян Цинь.

— Нет!

Лян Цинь улыбнулся и вдруг со всей силы пнул подвернувшийся стул в сторону хозяйки.

— Слышь, тетка! Мальчишку я забираю. Еще раз увижу, что швыряешь вещи — пеняй на себя!

— Ты кого это теткой назвал, щенок?!

— Того, кто детей на улицу выставляет, — отбрил Лян Цинь.

Су Моли, стоявшая неподалеку, вмешалась:

— Ли-цзя, ну правда, имей совесть. Никто твою комнату не занимает, зачем ребенка-то травить?

— Моя хата, че хочу, то и ворочу, — фыркнула та, покосившись на подошедшего Хань Дуна. — Короче, чтоб к восьми вечера духу вашего здесь не было! Не загораживайте мне путь к прибыли.

Толпа начала расходиться. Су Моли жалостливо посмотрела на мальчика:

— Сяоюй, зайди потом к нам, поешь...

— Нет, — ребенок намертво вцепился в плечо Лян Циня.

— Тетушка, я теперь за него отвечаю.

— Что? Я думала, ты просто пар выпускаешь...

Су Моли ошарашенно переглянулась с сыном.

— Мам, Лян Цинь все обдумал, — тихо сказал Су Цзинь.

— Ты хоть понимаешь, что это не просто слова? — серьезно спросила Су Моли.

— Понимаю. И буду нести эту ответственность до конца.

Лян Цинь крепче прижал к себе малыша:

— Брат Цзинь, помоги ему собрать остатки вещей, а я пока отведу его домой.

Лян Цинь прекрасно осознавал: фраза «я тебя выращу» — не пустой звук. В ней теперь заключалась вся его жизнь и весь его долг. И девятилетний Тянь Сяоюй тоже понимал: за эту доброту ему не расплатиться и за век.

***

Незаметно пролетел сентябрь. Настало тридцатое число, а вместе с ним и предвкушение золотой недели каникул. Су Цзинь ждал этого дня как манны небесной. Едва прозвенел звонок, он примчался в лавку.

— Сяо Мо, быстро дуй домой собираться! Завтра Дун-цзы везет нас отдыхать!

— Куда это? — любопытствовала мама.

— На ферму к его дяде, там еще водохранилище рядом.

— И надолго?

— Дня на три-четыре. Хань Дун говорит, сейчас в садах яблоки как раз поспели — сочные, сладкие!

— Вот оно как, — мама достала из кармана немного денег и протянула сыну. — Смотри там, не наглейте. Перед отъездом обязательно оставь хозяевам денег за постой. Кто едет-то?

Су Цзинь принялся загибать пальцы:

— Я, Сяо Мо, Дун-цзы... Наверное, еще его девушка. Лян Цинь пока не решил, ему ведь тогда придется и Сяоюя тащить.

— Девушка? — мама удивленно подняла брови. — Вроде говорили, они разбежались? Опять сошлись?

— Да нет, там новенькая какая-то, уже три дня с ним хвостом ходит. Он со мной даже словом перемолвиться не успевает, все с ней. Видимо, запала в душу — уж больно хорошенькая...

Су Цзинь не успел договорить: Су Мо, до этого спокойно читавший книгу, резко встал и прошел мимо него к выходу.

— Эй, ты куда? Слышишь, собираться надо!

«Я не поеду».

Су Мо быстро показал жест и скрылся в переулке. Су Цзинь выбежал на крыльцо:

— Да что с тобой?! Ты куда?!

Су Мо не обернулся. Его тонкая, стройная фигура быстро растаяла в сумерках хутуна.

— Мам, что это с ним?

— Понятия не имею. Весь день такой тихий был, книжку читал, даже улыбался чему-то... Может, просто не хочет в шумную компанию?

— Не знаю, — Су Цзинь выудил телефон и набрал номер друга.

— Алло, Дун-цзы.

— Ну что там у вас?

— Сяо Мо в отказ пошел. Бросил книгу и куда-то смылся.

На том конце провода повисло тяжелое молчание. Наконец Хань Дун глухо произнес:

— Я понял.

***

Книжная лавка на углу в лучах заходящего солнца выглядела удивительно уютно. Су Мо сидел у окна, бездумно перелистывая страницы, и подпирал подбородок рукой.

— Что, хандра напала? — Сюй Шуай поставил перед ним чашку ароматного кофе и присел напротив.

«Просто на душе муторно», — ответил Су Мо, сделав глоток. «Так вот почему ты несколько дней не появлялся в лавке, — думал он о Хань Дуне. — Очередная девица. Меняешь их как перчатки».

— Скоро каникулы, я собираюсь за город. Не хочешь составить компанию?

Су Мо поднял глаза. Сюй Шуай в мягком свете заката казался воплощением нежности и спокойствия.

«Куда именно?»

— Хочу в горы. Там дышится по-другому, особенно на вершине. Поехали? Обернемся за пару дней.

В этот момент дверь книжного едва не слетела с петель под напором Хань Дуна. С черным от глости лицом он уставился на Сюй Шуая:

— А не пошел бы ты к черту со своими горами? В каждой бочке затычка! Ты вообще кто такой, чтобы его звать?

— Мог бы и повежливее, — в голосе Сюй Шуая прорезались стальные нотки.

— Вежливее? С тобой? — Хань Дун нагло и привычно усмехнулся, и от этой ухмылки веяло опасностью.

Сюй Шуай побледнел:

— Это мой магазин. Прошу тебя выйти.

— Мои ноги сами решают, куда им ходить, — Хань Дун повернулся к Су Мо, и тон его немного смягчился. — Ты чего опять затеял? Мы же договорились завтра ехать. Вставай, пошли домой.

Су Мо уже готов был сдать и уйти, но тут в дверях появилась девушка с рюкзаком за плечами. Школьная форма, высокий хвост, ни капли макияжа — чистая, свежая красота.

— Брат Дун, ну ты скоро? Что мы тут забыли?

У Су Мо внутри все похолодело. «Значит, это она». Желание разговаривать с Хань Дуном пропало окончательно.

— Я тут друга ищу, подожди снаружи, — на удивление мягко ответил ей Хань Дун.

— Да ладно тебе, познакомь нас, мы же все друзья! — девушка подошла ближе и, увидев Су Мо, так и замерла: — О господи...

— Что «господи»?! — огрызнулся Хань Дун.

Она украдкой шепнула брату на ухо:

— Какой красавчик! Познакомь, а?

Хань Дун нахмурился, бесцеремонно обхватил ее за плечи и выставил за дверь. Су Мо проводил их взглядом и уткнулся в книгу.

— Я о нем слышан, — подал голос Сюй Шуай. — Типичный бабник. У таких мужчин нет ни стержня, ни верности. О будущем с ним лучше даже не мечтать.

«Я пойду. И так уже час здесь сижу».

Су Мо встал и направился к выходу. Хань Дун в это время о чем-то вполголоса переговаривался с девушкой, приобняв ее.

— Привет! — она дружелюбно помахала Су Мо рукой.

Тот лишь скользнул по ним ледяным взглядом, в котором клокотала ярость, и стремительно зашагал прочь.

— Давай бегом домой, не задерживайся! — бросил Хань Дун «подружке» и бросился вдогонку.

— Надо же, немой... Какая жалость, — пробормотала та себе под нос.

Хань Дун догнал Су Мо только через целый квартал. Он грубо схватил его за плечо и прижал к стене хутуна. Силу, конечно, рассчитал, чтобы не ушибить, но лицо его пылало от гнева.

— Да что с тобой творится?! Скажи честно, чем я тебя задел?

Су Мо вскинул голову, и Хань Дун невольно отшатнулся. Обычно Су Мо просто замыкался в себе, но сейчас он смотрел с нескрываемой враждебностью. Хань Дун мгновенно сбавил тон, растерянно моргая:

— Да что... что я сделал-то?

Су Мо стал общаться медленнее, чтобы тот точно понял:

«Держись от меня подальше».

Хань Дун опешил, а потом нервно рассмеялся:

— Маленькая красавица, ты из-за чего взъелся?

Су Мо и сам не понимал, что с ним. Его пугало это новое, неконтролируемое чувство — то, как

Хань Дун одним своим присутствием мог выбить почву у него из-под ног. За все шестнадцать лет только прямые издевательства могли так ранить его, а теперь... это было невыносимо.

«Ты вызываешь у меня отвращение».

Су Мо выплеснул то, что накипело внутри, и, оттолкнув Хань Дуна, зашагал прочь. Хань Дун застыл, переваривая услышанное, а когда смысл слов дошел до него, его буквально взорвало.

В три прыжка он настиг Су Мо и на этот раз приложил его о стену со всей дури. Су Мо охнул от боли в спине, а Хань Дун, теперь смотревший с яростью, придвинулся почти вплотную.

— Ты че, блядь, несешь?! А?! Я — мерзость?! — Хань Дун исказил лицо в ледяной, горькой усмешке. — И чем же я так противен? Ну же, скажи мне в лицо!

Су Мо упрямо молчал, вздернув подбородок. Хань Дун смотрел на его тонкую шею, едва сдерживая желание сжать пальцы.

— Говори!

Су Мо не проронил ни звука.

— Ладно. Молчишь? Значит, я — мерзость? Ну так я тебе покажу, какой я мерзкий! Понял? Значит, спелся с тем хлыщом из лавки? Если его магазин завтра еще будет стоять на месте — я, сука, фамилию сменю!

Хань Дун с бешеным взглядом развернулся, чтобы уйти. Су Мо, зная его безумный нрав, вспыхнул от злости и, не помня себя, со всей силы заехал Хань Дуну кулаком в лицо.

Это был первый раз, когда Су Мо кого-то ударил. На мгновение он испугался своего поступка, но тут же вновь принял независимый вид. Хань Дун вытер след от удара — крови не было. Он снова усмехнулся — холодно и надломленно.

Вдруг он мертвой хваткой вцепился в горло Су Мо. Тот похолодел от ужаса. Глаза Хань Дуна налились кровью, в них читалось желание растерзать. Ткнув пальцем Су Мо в самый нос, он прорычал:

— Ты ударил меня... ради него? Значит, так ты ценишь всё, что я для тебя делал? Ладно. Твое взяло. Буду держаться от тебя подальше. Понял, блядь?! Ты этого хотел?!

Последние слова Хань Дун буквально проорал. Его голос эхом отразился от стен хутуна, а в груди у Су Мо что-то болезненно сжалось. Хань Дун развернулся и ушел, не оглядываясь.

У Су Мо защипало в глазах, он судорожно сглатывал комок в горле. С трудом взяв себя в руки, он побрел в сторону дома.

— Что?! Ты хочешь сказать, та девчонка — двоюродная сестра Хань Дуна?

Едва Су Мо подошел к лавке, до него донесся изумленный голос брата. Следом послышался голос Лян Циня:

— Ага. Мне тоже любопытно стало, я и спросил. Родная племянница его матери, та просила Дун-цзы присмотреть за ней на каникулах.

Су Мо замер, словно пораженный молчанием. Внутри разлилось странное тепло, смешанное с ликованием, но тут же пришло осознание: он только что разрушил всё своими руками.

— Сяо Мо, ты вернулся? — окликнул его Су Цзинь.

Су Мо застыл на пороге, проклиная себя на все лады.

— Брат говорит, ты не едешь? Может, всё-таки с нами?

Перед глазами Су Мо всплыло искаженное яростью лицо Хань Дуна. Он хотел отказаться, но голова сама собой, словно по инерции, кивнула.

— Ну вот, я же говорил, что он одумается! — рассмеялся Лян Цинь.

Су Цзинь тоже заулыбался и, обняв брата за плечи, потянул его к дому:

— Пошли, пошли, надо вещи собрать!

Су Мо хотел было возразить, но Су Цзинь и Лян Цинь так плотно обступили его, что шанса на отступление не осталось.

«Черт... как мне теперь ему на глаза показываться? Он же мне язвить до смерти будет...»